

Научная статья
УДК 316:391(=161.1)(045)
doi: 10.17223/19988613/83/22

Социально-исторический анализ одежды древнерусского общества XI–XIII вв.: границы предметного поля исследования

Алексей Андреевич Шамшурин

Удмуртский государственный университет, Ижевск, Россия, shamshurinudsu@gmail.com

Аннотация. Цель статьи – исследование одежды в социальной истории как предмета определения социальных статусов в древнерусском обществе конца XI – начала XIII в. Привлечены археологические материалы, изображения одежды, а также корпус письменных источников: договор 911 г., свидетельство Ибн Фадлана, древнерусская литература XI–XIII вв., берестяные грамоты, имеющие сведения об одежде, опубликованные А.В. Арциховским. Наряд демонстрирует (запускает механизм узнавания) княжескую власть, меняет социальный статус при переодевании, участвует в погребальных обрядах, с помощью него человек идентифицирует другого человека, а историк распознает социальное устройство.

Ключевые слова: социальная история, древнерусская одежда, исторический факт, узнавание, социальный порядок

Для цитирования: Шамшурин А.А. Социально-исторический анализ одежды древнерусского общества XI–XIII вв.: границы предметного поля исследования // Вестник Томского государственного университета. История. 2023. № 83. С. 167–175. doi: 10.17223/19988613/83/22

Original article

Socio-historical analysis of the clothing of the Ancient Russian society of the 11th–13th centuries: the boundaries of the subject field of research

Alexey A. Shamshurin

Udmurt State University, Izhevsk, Russian Federation, shamshurinudsu@gmail.com

Abstract. The main problem of studying public order in early medieval society is the lack of sufficient sources. It is possible to overcome this problem by using an interdisciplinary integrated approach (A.V. Artsikhovskiy, M.A. Saburova, V.V. Puzanov, V.V. Dolgov). P.S. Stefanovich notes that Russian historical science is increasingly focusing on interdisciplinary research in the field of social history. This is confirmed by the success of scientific conferences «Walls and bridges» (2012-2019), «Integrated approach to the study of Ancient Russia» (2003-2019) and others.

The object of the article is to study clothing in social history as a subject of determining social statuses in ancient Russian society of the late 11th-13th centuries. Clothing is considered as one of these historical facts, through which it is possible to reconstruct social order. From the totality of material, visual and written sources mentioning clothing, ideas about the social hierarchy are built, which is specified in statuses and actions.

The sources used are archaeological materials from the works of V. Prokhorov, A.V. Artsikhovskiy; images of clothing described by V. Prokhorov; and written monuments such as the Treaty of 911, the certificate of Ibn Fadlan, the corpus of ancient Russian literature of the 11th-13th centuries, birch-bark letters with information about clothing published by A.V. Artsikhovskiy.

Attire demonstrates princely power, changes social status when changing clothes, participates in funeral rites, and with the help of it a person identifies another person. The historian recognizes the social structure of the period of Kievan Rus in the 11th-13th centuries through clothing. Demonstrating a particular outfit in society starts a recognition mechanism. A person puts on clothes, which in society turns into «dressing» of social status. It takes on a symbolic nature.

The process of recognition through clothing and its elements, such as the cloak, belt, and headdress, turns out social distribution. Each element of the outfit is a social status label. The marking of the social order occurs in the social acts of dressing and undressing.

Since clothing is a social act (dressing, changing clothes, undressing), so it itself indicates a certain place in the social hierarchy of Ancient Russia. Clothing is hypostatic. It is attributed to such functions when its presence or absence itself points to the social order, even without human participation. An example is the evidence that princely clothes were hung on the walls in case of capture of the city. This was the case when the Polovtians took Kiev. Therefore, clothing is a self-sufficient subject of socio-historical research, which sets the field of social interaction.

Keywords: social history, ancient Russian clothing, historical fact, recognition, social order

For citation: Shamshurin, A.A. (2023) Socio-historical analysis of the clothing of the Ancient Russian society of the 11th–13th centuries: the boundaries of the subject field of research. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 83. pp. 167–175. doi: 10.17223/19988613/83/22

Введение

В поле исторических исследований, посвященных древнерусскому обществу, одежда имеет определенный научный интерес. Как предмет изучения она, во-первых, исходя из ее материала и способа изготовления, оказывается частью материальной культуры, являясь историческим источником для изучения быта и развития промышленности, во-вторых, принадлежащая одному обществу в одном культурном пространстве, вместе с украшениями имеет определенное символическое значение, в-третьих, рассматриваемая как костюм, дает возможность проследить культурные связи между различными народами. Древнерусская одежда является ценным историческим источником для различных исторических дисциплин, поэтому в многообразных способах исторического анализа возможно обнаружить социальную логику ее существования.

Цель статьи – исследование одежды в социальной истории как предмета определения социальных статусов в древнерусском обществе конца XI – начала XIII в. В своих характеристиках данный период однороден, а именно как письменный христианский киевский и домонгольский, – на что указывают исторические источники, в том числе и древнерусская литература этого времени [1, 2].

Начиная со второй половины XIX в. историческая наука продвинулась в изучении древнерусской одежды. Появляются первые крупные труды [3, 4]. Благодаря успехам отечественной археологии и этнографии [5. С. 94–98], и прежде всего расширению раскопок в 1960–1970-е гг. [6], с середины XX в. происходит увеличение источниковой базы, что указывает на возрастание научного интереса к данному предмету.

Корпус источников по древнерусской одежде может быть задан тремя группами: археологические, изобразительные и письменные материалы. Данная классификация позволяет обнаружить исследование одежды в рамках трех взаимосвязанных дисциплин: археологии, этнографии и истории. Как по научным методам, так и по объяснительной части «одежда говорит на разных языках». Историческая наука как таковая основывается на письменных источниках, подтверждая и дополняя их археологическими и этнографическими исследованиями.

Нахождение «одежды» в рядах наименований определяет ее отнесенность к той или иной научной дисциплине. Поэтому в исторических исследованиях, преимущественно этнографических, характерных для второй половины XIX в., наряду с головным убором, верхней и нижней одеждой, обувью встречаются также украшения, броня, вооружение, утварь, жилище, а иногда и украшенная лошадиная сбруя [4. С. 52.]. Одежда помещена в перечень вещей материальной культуры, описание предметов быта и местоположена среди курганного инвентаря.

К вопросу историографии

Одной из первых работ в XIX в., посвященных древнерусской одежде, является исследование Г. Вейса. В первом томе «История одежды, вооружения, построек и утвари народов древнего мира» [3] одежда вписывается в один ряд с внешним бытом. Охватывая древний дописьменный период, автор рассматривает одежду европейско-сарматских и иллиро-фракийских народов, сохранившуюся в изображениях на римских памятниках. Г. Вейс отмечает материал и способы изготовления одежды. Анализируя быт скифов, он указывает на то, что они знали шерсть, выделанную кожу, шитье, шило, овчинные тулупы, валяную овечью шерсть [3. С. 5–6]. Причем возможно обнаружить взаимосвязь одежды и жилища на основании используемых материалов: скифские кибитки были обтянуты шкурами или войлоком [3. С. 15].

Если Г. Вейс ограничивается перечислением результатов, лишь косвенно относящихся к описанию домонгольского киевского существования Руси, то В. Прохоров в «Материалах по истории русских одежд и обстановки жизни народной» [4] исследует киевский период, используя все три группы источников. Его работа носит как описательный, так и источниковедческий характер. Автор четко различает и фиксирует по главам мужскую и женскую одежду, браслеты, серьги, гривны, бляхи и пояса. Ряд наименований, в который помещается одежда, связан с тем, что В. Прохоров использует материал с курганных могильников [4. С. 27, 34, 39], но расширяет предмет одежды до «обстановки жизни», разделяя ее на мирную и военную. Подробно описаны элементы одежды, во-первых, мирной обстановки: рубашки, штаны, сапоги, лапти (поступы), кафтаны, шапки, колпаки, плащи, епанчи. Во-вторых – военной: шлемы, кольчуги, кинжалы, ножи, секиры (топоры), кельты, копья, рогатины, стрелы, луки и колчаны, щиты, молотки и другое оружие [4. С. 52].

Поскольку одежда помещена в один ряд с терминами «обстановки жизни», от автора не ускользает и социальная функция одежды. Так, В. Прохоров обращает внимание на свидетельство Ибн Фадлана, который упоминает погребальный обряд сожжения умершего у славян. В комплекс действий этого обряда входило сожжение одежды, а также жен и рабов. Жена, согласившаяся на самосожжение, должна была выбрать двух девушек, которые бы стерегли ее и готовили обряд. В подготовку обряда включалась кройка одежды. Потрясает сложность одежды для обряда сожжения: «...ему надели шаровары, носки, сапоги, куртку и кафтан из дибаджа с золотыми пуговицами, надели ему на голову калансуву из дибаджа с сободем...» Перечисление элементов одежды указывает на стремление выразить через нее социальный статус обладателя. Сожжение дорогих по стоимости предметов не может быть

продиктовано рациональными целями. Одежда символизирует иерархичность древнерусского общества, тем самым подтверждая существование социального порядка в киевский период.

Задействованные в работе В. Прохорова источники по одежде лишь подтверждают, что ее значение символически связано с широким горизонтом предметов, составляющих социальный уклад бытования человека в Древней Руси. Их широта имеет метку от изображения одежды на монетах и вазах, в сборнике Святослава XI в., на окладе Мстиславова Евангелия XII в. до содержащих элементы одежды фресок на лестнице Киево-Софийского собора XI в., а также метку в виде упоминаний одежды в письменных источниках и в виде вещественных находок.

Результаты исследований В. Прохорова перекликаются с работой И.Е. Забелина «Домашний быт русского народа в XVI и XVII столетиях» [7]. Хотя в ней рассматривается более поздний период, но при нехватке источников данные за XVI и XVII вв. так же могут быть правомерно использованы как подтверждающие некоторые более ранние уникальные источники.

Особенное место в историографии занимает монография Б.Ф. Адлера «Возникновение одежды» [8]. Исследование этнографично, однако выходит за границы дисциплины, поскольку автор задается вопросом об истоках одежды и в качестве ответа строит достаточно последовательную теорию, опирающуюся на эмпирические данные, собранный по одежде к началу XX в.

Таким образом, обобщая немногочисленный материал по исследованию одежды второй половины XIX – начала XX в., следует выделить работы Г. Вейса, В. Прохорова и Б.Ф. Адлера, демонстрирующие значимость одежды в описании социального порядка древнерусского общества XI–XIII вв. В проанализированных трудах прослеживается изменение методов описания социальной роли одежды: от включения ее в ряд наименований до теоретических построений, позволяющих концептуально вписать одежду в социальную историю.

Методология исследования

Знания, которые уже приобрела историческая наука, продолжают накапливаться. Междисциплинарный и комплексный подходы способствуют актуализации исторических проблем через обнаружение новых неисследованных аспектов исторических объектов, о чем свидетельствуют такие научные мероприятия, как международные научные конференции «Стены и мосты» (2012–2019) и «Комплексный подход в изучении Древней Руси» (2003–2019).

С расширением источниковой базы во второй половине XX в. оказывается возможной интерпретация исторического источника. Это приводит к тому, что в последние два десятилетия в исторических дисциплинах все чаще используется метод исторической реконструкции [9]. Реконструкция невозможна без комплексного подхода, который основывается на многофакторности исторического процесса, поэтому она

предполагает воссоздание исторического факта (образа) как результата исследования, при этом привлекая максимально полно все исторические источники, включая письменные.

Подобная тенденция прослеживается в изучении такого исторического источника, как одежда средневекового общества, которая обозначается в истории повседневности [5, 10] и социальной антропологии [11], социологии и истории институтов (институционализм [12]) и т.д., уходя в такие специализированные исследования, как история костюма, история моды и др.

В качестве предмета одежда рассматривается в современных археологических, этнографических, антропологических исследованиях, а также в филологии [1], истории искусства [13], семиотике [14], эстетике [15] и др. Каждая дисциплина определяет свой круг проблем, в рамках данного исследования выделяется социологический анализ одежды древнерусского общества XI–XIII вв.

Комплексное рассмотрение множества узкоспециальных дисциплин, изучающих древнерусскую одежду, приводит к обобщенному ее определению. Дефиниция одежды как предмета в каждом исследовании оказывается итогом синтеза научных знаний. Когда она представляется в рамках археологии, то понимается как вещь; когда анализируется в рамках этнографии, то является частью материальной культуры (костюм); когда исследуется в филологии, то обозначает художественную единицу (термин), которая встречается в памятниках литературы; когда используется в социологических работах, то оказывается общественной функцией человека (социальная роль). Совмещение методов и понятийного аппарата разных дисциплин (междисциплинарность) с комплексным подходом (многофакторность) образует общий корпус научных знаний, где предмет исследования (одежда) становится разноплановым. Вследствие этого можно заключить, что в каждом конкретном случае, когда одежда становится предметом изучения, происходит реконструкция определения, позволяющая открыть новые ракурсы ее рассмотрения.

Таким образом, концептуализация эмпирического (археологического, этнографического, социологического) материала, формирует теоретический каркас исследования «одежды».

Методологическая ретроспекция узкопрофессиональных теорий позволяет обнаружить фрагментарность в рассмотрении одежды. Такую интересную, но несколько одностороннюю закономерность еще в начале XX в. выявил этнограф Б.Ф. Адлер, когда заключил, что одежда вызвана эстетической необходимостью и, следовательно, возникает из генезиса украшений тела [8]. Как если бы браслет на руке со временем стал оплечьем, а затем рукавом. Ожерелье стало бы воротом. И, соединяясь между собой, рукава и ворот плотно ложились бы на тело одеждой – привычным кафтаном. Таким образом, в исследовании одежды используется междисциплинарный подход, обеспечивающий комплексное рассмотрение одежды как предмета социальной истории.

Социальная история: введение в исследовательское поле

Обращение к социальной истории с целью анализа древнерусской одежды может быть понято по-разному. Возникают трудности при использовании социологических понятий, с помощью которых структурируется древнерусское общество. Ситуация осложняется научной дискуссией между исторической социологией и социальной историей относительно вопроса эволюции социальных институтов в исторической ретроспективе.

Социологические методы делают наиболее значимой проблему того, как понимать «социальное» в исторической науке. Немецкий историк Р. Зидер осуществляет теоретическую попытку по разрешению научного спора [16]. Осмысляя «социальное», он обнаруживает различные его определения, неоднозначность которых приводит к дискуссии между двумя родственными дисциплинами. В отечественной историографии выделяется монография Н. Рожкова «Обзор русской истории с социологической точки зрения» [17], где вскрывается взаимосвязь истории и социологии. В этой работе «социальное» представлено как «явление общежития» [17. С. 3–6].

В советской историографии интерес к обозначенному вопросу снижается в связи с тем, что «социальное» в данный период определяется однозначно, только как «классовое». Поэтому до середины 1980-х гг. социальная история не выделялась как относительно самостоятельная дисциплина и находилась в рамках марксистской исторической науки, опирающейся на объективные экономические законы развития общества. Социальная эволюция понималась в виде линейного движения по общественно-экономическим формациям, где движителем являлась борьба антагонистических классов за право собственности на основное средство производство.

В постсоветской исторической науке устойчиво сохраняется представление об общественных отношениях как производственно-экономических. Однако в современной литературе начинает выстраиваться разговор о социальной истории, который вызван потребностью в объяснении социальных потрясений в годы перестройки, а также в первое десятилетие после развала Советского Союза. Как отмечает П.С. Стефанович [18], социальная история получила новое осмысление. Несмотря на появление множества монографий и статей, акцентирующих значимость социальной истории, вопрос о четком и ясном определении ее предмета остается открытым. Возникает спрос на историографические исследования обобщающего характера, которые бы поставили точку в научной дискуссии посредством консенсуса в отношении представлений о «социальном». Поскольку «социальное» многоаспектно, то конвенциональность достижима через обращение к междисциплинарности.

Для определения круга проблем в изучении одежды древнерусского общества в рамках социальной истории необходимо отталкиваться от исторической науки, которая изучает человеческую деятельность в прошлом. Предмет ее является конкретизированным, ведь

каждое историческое явление конкретно и устанавливается как уникальный, неповторимый факт. Таких неповторимых фактов бесконечное множество, что приводит к необходимости отделять существенные от несущественных. Обращение исторической науки к другим социально-гуманитарным дисциплинам позволяет теоретизировать существенные исторические факты, которые сами по себе могут быть описаны только как «голый» факт (дата, место, событие).

В свою очередь, социальные явления по объему понятия входят в исторические явления. Можно рассматривать социальные явления как исторические, но невозможно рассматривать исторические явления только как социальные. В теоретической социологии явления устанавливаются как факты дедуктивным способом, исходя из уже известных концепций и в качестве их подтверждения.

Если рассматривать социальное явление в истории, то оно может пониматься двумя способами: как историческое конкретное явление либо как социологическое понятие. В первом случае мы будем иметь дело с социальной историей, а во втором – с социологией. Возможен ли компромисс между двумя науками?

Если вопрос стоит о компромиссе, то ответ можно считать конструктивным. Как историческая наука, так и социология всегда отталкиваются от настоящего, от проблемы, на которую обращено внимание исследователя. В ходе исторического исследования, исходя из поставленной проблемы, привлекаются исторические источники. Разнообразие привлеченных исторических источников и факторов представляет комплексный подход. Многофакторность уже предполагает некоторую теоретичность, поскольку речь идет как о причинно-следственных связях, так и о выделении одних более существенных факторов из множества других несущественных факторов. Социальная история и есть определенный критерий отбора факторов, имеющий направленность в проблеме, которую поставил исследователь. А социология как теория есть то, что задает направленность социальной истории, поскольку разрабатывает инструменты – понятия и методы.

Можно ли говорить о том, что социология – лишь инструмент истории? Категорически инструментальной ролью социология не ограничивается. Обращаясь к конкретике исторических явлений, социология находит новый эмпирический материал. Поэтому можно заключить, что социальная история открывает для социологии новые социальные факты прошлого, которые сегодня не замечаемы как существующая данность или уже отсутствуют, как, например, потлач или древние формы семьи.

Таким образом, социальная история – это историческая наука, занимающаяся изучением конкретных социальных фактов в масштабе человека, группы, общества, а также общественных институтов (структур) и их генезиса. В данном определении «социальное» не выносится за рамки государства и не противопоставляется ему, а, наоборот, включает его в себя как главный общественный институт. Власть также не выносится за границы общества, а существует как социальное отношение. Так, «социальное» имеет свою историю в еди-

ном историческом процессе, взаимно обуславливая политическую историю и историю государства.

Подводя промежуточный итог, отметим, что только целостный разноаспектный анализ позволяет задать «одежду» как самодостаточный предмет исторического исследования, а не «второстепенный источник» описания и понимания исторической действительности. В данной статье для исследования древнерусской одежды применяется междисциплинарный подход, который позволяет соединить археологические, этнографические, филологические материалы посредством социальной истории.

Аналитика одежды: социально-исторический подход

Историческое существование одежды принадлежит к социальным явлениям. Рассмотрению подлежат не материал одежды, узоры, ее состав или функции, но конкретные социальные факты, встречающиеся в исторических источниках, как, например, пассаж о переодевании и смене социального статуса в Киево-Печерском патерике [19. С. 305–307].

Обратимся к статье Т.И. Устиновой «Одежда как знак социальной роли: читаем “Короля Лира” У. Шекспира» [20], посвященной анализу социального предьявления одежды. Несмотря на то, что работа выполнена филологом и обращена к анализу шекспировского времени, т.е., по сути, разбирается художественное произведение, в ней возможно обнаружить социально-исторический аспект. Филологические изыскания материала пьесы «Король Лир» были сосредоточены на проблеме одежды как «первого признака социального происхождения» [20. С. 341]. Какие именно социальные роли были раскрыты, остается до конца не ясным. Знаком какой социальной роли является одежда, когда она рассматривается как «смена социального статуса» [20. С. 342] или ставится вопрос о ее социальном происхождении, или анализируется сюжет о наготы как социальном акте [20. С. 344]?

Текст указывает на то, что автором выдвигается предположение о роли одежды в качестве признака социального происхождения. Богатая одежда есть знак знатного социального происхождения, бедная – незнатного. Социальная роль одежды есть обозначение социального происхождения, которое создает видимость как некий приписываемый социальный статус. Против этой видимости и восстает шекспировский король Лир. Против той же видимости борется и, например, «Феодосий Печерский» у Нестора, но он преследует божью, а не человеческую истину, выраженную как «человек – “венец живущего”» [21].

В том, что одежда является знаком социального происхождения, нет очевидности, на которую указывает филология в лице Т.И. Устиновой. Любое социальное происхождение само уже определяет наряд. Например, князь оденется князем, а боярин боярином. Социальный статус князя предполагает княжескую одежду – в данном случае социологический аспект. Социальная история будет отталкиваться не от художественного образа одежды и той роли, которую вы-

полняет одежда в обозначенном эпизоде, не от княжеского статуса, который недоступен непосредственно, а будет основываться на действии в прошлом, выраженном в конкретном предмете, дошедшем до нас (конкретный социальный факт). Поэтому социальная история обращается к одеванию / раздеванию как социальному акту, который запечатлен Шекспиром в его персонаже – короле Лир.

В статье В.В. Пузанова «Социокультурные конструкты и образы повседневности в “Житии Феодосия”» [21] дана характеристика маркеров социального статуса в Древней Руси. Статья примечательна тем, что является примером исторических исследований по отдельному произведению. Автор подходит к анализу «Жития» системно и пошагово [21. С. 3–4]. Каждое отдельное произведение должно рассматриваться в совокупности с другими произведениями, а не изолированно от них. Перенос мировосприятия отдельно автора на все общество в целом ошибочно, поэтому необходимо реконструировать мировоззрение интеллектуальной элиты и ее отношение к различным слоям общества. С точки зрения В.В. Пузанова, «важным маркером социального статуса человека в эпоху, когда писалось житие, являлась одежда» [21. С. 15]. Делается попытка установить отношение переодевания и смены статуса как социальный факт. Автор не уходит далеко от текста источника, следует параллельно ему во избежание излишних допущений, приводя массу примеров из жития, которые дополняются из других источников.

В древнерусском обществе, реконструированном в работах В.В. Пузанова, В.В. Долгова [22], а также ряда других специалистов, таких как А.С. Демин [2], киевский период характеризуется выстроенной социальной иерархией. Внутри общественного порядка одежда используется как предмет узнавания социального статуса и социального действия. При этом одежда приобретает собственный социальный характер, отчего происходит ее гипостазирование, т.е. приписывание ей таких свойств, которыми она не обладает. Одежда ассоциируется с общественными отношениями и обнаруживает свое самодостаточное существование в социальных практиках, таких как переодевание, связанное со сменой социального статуса, погребальный обряд, включающий изготовление одежды покойному, наряжание в другого и т.д. Как если бы «одежда делала человека» (Квинтилиан). Данные социальные практики представлены примерами из письменных источников, подкрепленных археологией, этнографией и филологией.

Узнавание выражается двумя способами использования одежды. Во-первых, надевание формирует процесс узнавания, в котором одежда приобретает смыслы в общественных отношениях, что нередко придает ей мистические черты, непонятные современному человеку. Ряжение, наряд определяют человека, делают его узнаваемым, т.е. придают ему социальный статус. Благодаря узнаванию существуют социальный статус и социальный акт, а поэтому и общественный порядок вообще. С этой точки зрения вызывает интерес известный пассаж о приглашении варягов на княжение:

«Ркоша руси чюдъ, словенѣ, кривичи и вся: “Земля наша велика и обильна, а *наряда* (курсив мой. – А.Ш.) въ ней нѣтъ. Да поидете княжить и володѣть нами”. И избрашася трие брата с роды своими» [23]. Как видно, наряд и порядок имеют этимологическую связь, что подтверждается социально-историческим контекстом. Во-вторых, раздевание указывает на лишение или добровольное отстранение от социального статуса, значение которого несет одежда. Общеизвестны примеры, когда признается бесчестьем скидывание головного убора, срывание одежды при казнях и т.д. Сочетание надевания и раздевания образуют такое социальное явление, как переодевание, т.е. «надевание заново». В этом акте проявляется определяющая роль одежды не только для отдельного человека, но и для его места в социальном порядке.

Приписывание статусной одежде качеств и ролей, которые предполагает статус, наделяло ее сакральной властью, местом в иерархии и заставляла человека поклоняться ей или пренебрегать. Княжеская одежда ассоциировалась с той властью, которую имел князь. Примером этому является свидетельство о том, что княжеские одежды вывешивались на стенах в случае захвата города, как это было при взятии половцами Киева [24. С. 133]. Сакральное воззрение на княжеские одежды носит универсальный характер как для византийцев, так и для варваров. Киевская Русь, скорее всего, испытывала уже довольно сильное влияние Византии. Багряница как символ императорской власти являлась желанным подарком или трофеем для варваров. В.В. Пузанов отмечает, что в трактате Константина Багрянородного запрещалось дарить императорские одежды варварским или каким-либо другим народам [24. С. 132]. Императорская одежда символизировала императорскую власть [9. С. 100]. В словаре И.И. Срезневского термин «багряница» употребляется в таких фразах, как «от носящего багряницу и венец», «изменник царскому багру» [25. С. 30].

В древнерусском обществе XI–XIII вв. исследованы метки князей. Узнавание древнерусского князя происходило через кързно (плащ), княжескую шапку или венки. «Во многих культурах венцы, короны, другими словами, головные украшения правителей служили важнейшими символами монархической власти. Более того, корона часто становилась символом всей страны, выступая олицетворением самой идеи государственности, олицетворением нации, создавшей государство» [22. С. 39]. Головной убор киевских князей представляется спорным. Он является как венок или «шапка золотая», либо как круглая шапка с меховой опушкой [22. С. 41]. Такой княжеский венец встречается на фресках на лестнице Киево-Софийского собора XI в. В. Прохоров установил, что княжеская одежда (в том числе плащ) и уборы на фресках чисто русские, как и в Сборнике Святослава XI в. На одной из фресок князь сидит на византийском престоле и с венцом на голове [4. С. 58]. Обязательным атрибутом князей на изображениях XI–XIII вв. была русская княжеская шапка: мягкая, сферическая, с меховым околышем [26. С. 290].

Золотые пояса – общие для князей и бояр, упоминаемые в духовных грамотах, являлись «знаком фео-

дального достоинства» [26. С. 291]. Интересно свидетельство в донесении Немецкого двора в Новгороде рижскому магистрату от 1331 г. «В тот же вечер принял некто по имени Борис Сильвестрович и сказал: его прислали триста золотых поясов» [26. С. 291], а далее в донесении на месте золотых поясов появляются просто господа, откуда и видно их тождество. При этом триста поясов по количеству могут совпадать с количеством мест в Новгородском Совете господ. Золотой пояс великого князя встречается на свадьбе Василия II в 1433 г., по летописным известиям он явился причиной междоусобицы [27. С. 97]. Так, одежда и отдельные ее атрибуты участвуют в наследовании статусов. Они необходимо связаны с социальным положением.

Одежда и богатство в литературе нередко являются синонимами точно так же, как нагота и нищета [1. С. 10]. И это не случайность: одежда и ее материал были порой очень дорогими. Боярские одежды и одежды вельмож обозначаются в древнерусской литературе как «одежда светлая» [21. С. 15; 24. С. 15]. А.В. Арциховский отмечает одну шапку, упоминаемую на берестяной грамоте № 138 (вторая половина XIII в.) и заложенную у ростовщика. Шапка была оценена в 13 гривен. Для сравнения, в грамоте № 155 девка (невеста, выкупленная из рабства) была оценена в 12 гривен, а фунт серебра стоил примерно 30 гривен [26. С. 290].

Также в договоре между византийцами и славянами 911 г. значится штраф, уплачиваемый одеждой в случае отсутствия денег [28]. При пошиве одежды использовали золотую нить, драгоценные украшения. Имеются свидетельства, что уже в XI в. в монастырях и в княжеской среде существовали специальные мастерские, где оттачивалась техника золотого шитья [5. С. 98-99].

Что касается основной массы свободного населения городов и сел, то она упускается из описания книжников. В литературе изредка в безличной форме имеются опосредованные упоминания об обычных людях. Гораздо больше информации дают археологические и этнографические материалы и особенно материал берестяных грамот. Одежда обычных людей различалась между собой только количественно, например длиной полы или рукава, количеством вышитых узоров, металлических украшений.

Среди народа были и богатые горожане, одним из которых был новгородец Слинько, предполагаемый владелец шапки (см. выше), оцененной в 13 гривен [26. С. 290]. Но, как заметил В.В. Пузанов, «все бояре и вельможи – богатые, но не все богатые – бояре или вельможи» [21. С. 15; 24. С. 10]. Одежда поэтому имеет большее значение в социальном узнавании, чем имущество.

Традиционно люди так же узнают друг друга по одежде, как встречают князя, боярина или вельможу, после чего следует приветствие, соответствующее статусу. Горожане и сельские жители не отличались в этот период одеждой. В истории существуют как минимум два заблуждения по поводу одежды основной массы свободного населения: во-первых, крестьяне XI–XIII вв. – лапотники, поскольку они бедны и

им было доступно лыко; во-вторых, шубы носили только бояре и вельможи либо богатые горожане. М.А. Сабурова, опираясь на исследования А.В. Арциховского, установила, что самые ранние изображения крестьян в лаптях встречаются около XV в., также на плетение лаптей указывают кочедыки (инструмент), найденные в могильниках того же времени. В Новгороде обнаружен лишь один лапоть в слоях того же XV в. Отсюда можно сделать вывод, что крестьяне и горожане в XI–XIII вв., скорее всего, не носили лапти. Археологические раскопки показывают, что в Новгороде чаще встречается кожаная обувь. Возможно, что крестьяне не уступали горожанам в ношении такой обуви.

Отдельную категорию населения составляли монахи. Одежда представляется Феодосию Печерскому, одному из основателей монашества на Руси, мирской роскошью. Он, презирая ее, сознательно одевается в одежду настолько нищенскую, что даже монахи пренебрегали неизвестным для них Феодосием, когда тот еще хотел постричься и бродил по монастырям. Как отмечает в своих работах П.И. Гайденок, монахи ловко сочетали «иноческие обеты с благами земного мира» [29], что обнаруживает категорический характер такой социальной практики, как узнавание по одежде, будучи даже у такой «отстраненной» социальной группы, как монахи. Анализ древнерусской одежды позволил описать общественный порядок Киевской Руси. Социальная иерархия, размечающаяся одеждой, с приходом христианской мысли становится внутренне противоречивой. В лице Феодосия Печерского христианство указывает на видимость мирского порядка и вводит социальное в область духовного, пытаясь изменить общество по христианской традиции.

Выводы

Таким образом, итогом статьи является разметка исследовательского поля древнерусской одежды в рамках социальной истории. Накопленные научные знания в исторических и неисторических дисциплинах делают возможным междисциплинарный и комплексный подходы. Это позволяет поместить одежду как объект исследования в социально-исторический контекст. Благодаря комплексному подходу к рассмотрению древнерусской одежды, реконструируется общественный порядок, внутри которого фиксируются социальные факты в виде социальных статусов и социальных действий.

Социально-исторический анализ структуры общества показал, что одежда может рассматриваться как социальный статус и социальный акт. Тем самым социальная логика приписывает одежде те качества, которыми вне общества она не обладает. Например, в княжеской одежде узнается княжеская власть. Приобретая гипостазированные черты, одежда оказывается самостоятельным историческим явлением. Археологические, этнографические и филологические материалы, в которых упоминается одежда, подтверждают наличие социального статуса в Древней Руси XI–XIII вв. как способа установления социального порядка.

На примере киевского периода показано, что одежда ассоциируется с общественным порядком, являясь меткой социального статуса, который она размечает, становясь самостоятельным предметом, определяющим человека. Итак, одежда человека суть предметы его узнавания в обществе, без которых он не мыслится и не существует в общественной структуре определенной исторической эпохи.

Список источников

1. Былинин В.К., Демин А.С., Елеонская А.С., Калугин В.В., Черная Л.А., Щеголева Л.И. Древнерусская литература: изображение общества. М.: Наука, 1991. 248 с.
2. Демин А.С. Древнерусская литература как литература (о манерах повествования и изображения). М.: Языки славянской культуры, 2015. 486 с.
3. Вейс Г. Внешний быт народов с древнейших до наших времен: в 3 т. / пер. с нем. В. Чаева. М.: Тип. Крачева и Комп., 1874. Т. 1: История одежды, вооружения, построек и утвари народов древнего мира, ч. 2: Западные народы. 504 с.
4. Прохоров В. Материалы по истории русских одежд и обстановки жизни народной: в 4 т. СПб.: Тип. Императорской Академии наук, 1881–1885.
5. Сабурова М.А. Древнерусский костюм // Древняя Русь. Быт и культура. М.: Наука, 1997. 368 с.
6. Макаров Н.А. Об институте // Институт Археологии РАН. URL: <https://www.archaeolog.ru/about> (дата обращения: 08.06.2020).
7. Забелин И.Е. Домашний быт русского народа в XVI и XVII столетиях: в 2 т. 3-е изд. с доп. М.: Т-во тип. А.И. Мамонтова, 1895–1901.
8. Адлер Б.Ф. Возникновение одежды. СПб.: Художеств. типо-лит. А.К. Вейерман, 1903. 88 с.
9. Пузанов В.В. Древнерусская государственность: генезис, этнокультурная среда, конструкты. Ижевск: Удмуртский университет, 2007. 624 с.
10. Степанова Ю.В. Древнерусский погребальный костюм Верхневолжья. Тверь: Тверской гос. ун-т, 2009. 364 с.
11. Долгов В.В. Древняя Русь: мозаика эпохи: очерки социальной антропологии общественных отношений XI–XVI вв. Ижевск: Удмуртский университет, 2004. 219 с.
12. Веблен Т. Теория праздного класса. М.: Прогресс, 1984. 410 с.
13. Пармон Ф.М. Русский народный костюм как художественно-конструкторский источник творчества. М.: Легпромбытиздат, 1994. 272 с.
14. Геращенко В.П. Белый клубок и шапка Мономаха (к вопросу семиотики традиционного костюма Древней Руси) // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. 2008. № 6. С. 42–53.
15. Бычков В.В. Русская средневековая эстетика. XI–XVII века. 2-е изд. М.: Мысль, 1995. 637 с.
16. Зидер Р. Что такое социальная история? Разрывы и преемственность в освоении «социального» // Thesis. 1993. № 1. С. 163–181.
17. Рожков Н. Обзор русской истории с социологической точки зрения. 2-е изд. М.: Изд. И.К. Шамова, 1905. Ч. 1: Киевская Русь (с IV до конца XII века). 172 с.
18. Стефанович П.С. Социальная история Древней Руси: старые проблемы, новые подходы: к выходу в свет книги «Бояре, отроки, дружины: Военно-политическая элита Руси в X–XI вв.»: доклад на семинаре «Русь Средневековая» // Исторический факультет Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. 2013. URL: http://www.hist.msu.ru/about/gen_news/48842/ (дата обращения: 08.06.2020).
19. Киево-Печерский патерик // Древнерусская литература / сост., предисл. и коммент. М.П. Одесского. М.: Слово / Slovo, 2001. 736 с.
20. Устинова Т.И. Одежда как знак социальной роли: читаем «Короля Лира» У Шекспира // Дергачевские чтения-2011. Русская литература: национальное развитие и региональные особенности: материалы X Всерос. науч. конф., посвящ. 100-летию со дня рожд. И.А. Дергачева, Екатеринбург, 6–7 октября 2011 г.: в 3 т. / сост. А.В. Подчиненов. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2012. Т. 3. С. 341–346.

21. Пузанов В.В. Социокультурные конструкты и образы повседневности в «Житии Феодосия» // Вестник Удмуртского университета. 2007. № 7. С. 3–28.
22. Долгов В.В. Быт и нравы Древней Руси. Миры повседневности XI–XIII вв. СПб. : Изд-во Олега Абышко, 2017. 592 с.
23. Повесть временных лет / подг. текста, пер. и коммент. О.В. Творогова // Электронные публикации Института русской литературы (Пушкинского Дома) РАН. URL: <http://lib.pushkinskijdom.ru/?tabid=4869> (дата обращения: 08.06.2020).
24. Пузанов В.В. Государство и общество Древней Руси глазами современников (X–XII вв) : историко-антропологические очерки. Ижевск : Удмуртский университет, 2012. 240 с.
25. Срезневский И.И. Материалы для словаря древне-русского языка по письменным памятникам. СПб. : Тип. Императорской Академии наук, 1893. Т. 1. 513 с.
26. Арциховский А.В. Одежда // Очерки русской культуры XIII–XV в. / под ред. А.В. Арциховского. М. : Изд-во МГУ, 1969. Ч. 1: Материальная культура С. 277–296.
27. VIII летописный сборник, именуемый Патриаршею, или Никоновскою летописью // Полное собрание русских летописей. СПб. : Тип. Министрства внутренних дел, 1885. Т. 10. 256 с. URL: <https://runivers.ru/upload/iblock/f2d/Polnoe%20sobranie%20rus%20letopisey%2010.pdf> (дата обращения: 08.06.2020).
28. Русско-византийский договор // Проект «100 главных документов российской истории». URL: <http://doc.histrf.ru/10-16/rusko-vizantiyskiy-dogovor/> (дата обращения: 08.06.2020).
29. Гайденоко П.И. Можно ли спастись в роскоши? : (о быте и пределах аскетических опытов древнерусского монаха XI–XIII вв.) // Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях. 2017. № 8. С. 7–17.

References

1. Bylinin, V.K., Demin, A.S., Eleonskaya, A.S., Kalugin, V.V., Chernaya, L.A. & Shchegoleva, L.I. (1991) *Drevnerusskaya literatura: izobrazhenie obshchestva* [Old Russian Literature: Image of Society]. Moscow: Nauka.
2. Demin, A.S. (2015) *Drevnerusskaya literatura kak literatura (o manerakh povestvovaniya i izobrazheniya)* [Old Russian literature as literature (on the manners of narration and depiction)]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury.
3. Weiss, G. (1874) *Vneshniy byt narodov s drevneyshikh do nashikh vremen: v 3 t.* [External Life of Peoples from Ancient Times to Our Times: in 3 vols]. Vol. 1. Translated from German by V. Chaev. Moscow: Tip. Kracheva i Komp.
4. Prokhorov, V. (1881–1885) *Materialy po istorii russkikh odezhd i obstanovki zhizni narodnoy: v 4 t.* [Materials on the history of Russian clothes and the situation of folk life: in 4 vols]. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences.
5. Saburova, M.A. (1997) *Drevnerusskiy kostyum* [Old Russian costume]. In: Rybakov, B.A. (ed.) *Drevnyaya Rus'. Byt i kul'tura* [Ancient Rus'. Life and Culture]. Moscow: Nauka.
6. Makarov, N.A. (n.d.) *Ob institute. Institut Arheologii RAN* [About the Institute. Institute of Archeology RAS]. [Online] Available from: <https://www.archaeolog.ru/about> (Accessed: 8th June 2020).
7. Zabelin, I.E. (1895–1901) *Domashniy byt russkogo naroda v XVI i XVII stoletiyakh: v 2 t.* [Home life of the Russian people in the 16th and 17th centuries: in 2 vols]. 3rd ed. Moscow: A.I. Mamontov.
8. Adler, B.F. (1903) *Vozniknovenie odezhdy* [The Emergence of Clothing]. St. Petersburg: A.K. Veyerman.
9. Puzanov, V.V. (2007) *Drevnerusskaya gosudarstvennost': genezis, etnokul'turnaya sreda, konstruktivy* [Old Russian statehood: Genesis, ethno-cultural environment, constructs]. Izhevsk: Udmurtskiy universitet.
10. Stepanova, Yu.V. (2009) *Drevnerusskiy pogrebal'nyy kostyum Verkhnevolzh'ya* [Ancient Russian burial costume of the Upper Volga region]. Tver: Tver State University.
11. Dolgov, V.V. (2004) *Drevnyaya Rus': mozaika epokhi: ocherki sotsial'noy antropologii obshchestvennykh otnosheniy XI–XVI vv.* [Ancient Rus': Mosaic of an Epoch: Essays on the Social Anthropology of Social Relations in the 11th–16th Centuries]. Izhevsk: Udmurt University.
12. Veblen, T. (1984) *Teoriya prazdnogo klassa* [Theory of the Leisure Class]. Moscow: Progress.
13. Parmon, F.M. (1994) *Russkiy narodnyy kostyum kak khudozhestvenno-konstruktorskiy istochnik tvorchestva* [Russian folk costume as an artistic and design source of creativity]. Moscow: Legprombytizdat.
14. Gerashchenko, V.P. (2008) *Belyy klobuk i shapka Monomakh (k voprosu semiotiki traditsionnogo kostyuma Drevney Rusi)* [The white hood and Monomakh's hat (on the issue of semiotics of the traditional costume of Ancient Rus')]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv.* 6. pp. 42–53.
15. Bychkov, V.V. (1995) *Russkaya srednevekovaya estetika. XI–XVII veka* [Russian medieval aesthetics. The 11th – 17th centuries]. 2nd ed. Moscow: Mysl.
16. Zider, R. (1993) *Chto takoe sotsial'naya istoriya? Razryvy i preemstvennost' v osvoenii "sotsial'nogo"* [What is social history? Gaps and continuity in the development of the "social"]. *Thesis.* 1. pp. 163–181.
17. Rozhkov, N. (1905) *Obzor russkoy istorii s sotsiologicheskoy tochki zreniya* [Overview of Russian History from a Sociological Point of View]. 2nd ed. Vol. 1. Moscow: I.K. Shamov.
18. Stefanovich, P.S. (2013) *Sotsial'naya istoriya Drevney Rusi: starye problemy, novye podkhody: k vykhodu v svet knigi "Boyare, otroki, družiny: Voенно-politicheskaya elita Rusi v X–XI vv."* [Social history of Ancient Rus': Old problems, new approaches: On the book "Boyars, youths, squads: The military-political elite of Rus' in the 10th – 11th centuries"]. [Online] Available from: http://www.hist.msu.ru/about/gen_news/48842/ (Accessed: 08.06.2020).
19. Odessky, M.P. (2001) *Drevnerusskaya literatura* [Old Russian Literature]. Moscow: Slovo.
20. Ustinova, T.I. (2012) *Odezhd kak znak sotsial'noy roli: chitaem "Korolya Lira" U. Shekspira* [Clothing as a Sign of Social Role: Reading Shakespeare's "King Lear"]. *Dergachevskie chteniya-2011.* In: Podchinenov, A.V. (ed.) *Russkaya literatura: natsional'noe razvitiye i regional'nye osobennosti* [Dergachev Readings-2011. Russian Literature: National Development and Regional Features]. Vol. 3. Ekaterinburg: Ural State University. pp. 341–346.
21. Puzanov, V.V. (2007) *Sotsiokul'turnye konstruktivy i obrazy povsednevnosti v "Zhitii Feodosiya"* [Sociocultural constructs and images of everyday life in "The Life of Theodosius"]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta.* 7. pp. 3–28.
22. Dolgov, V.V. (2017) *Byt i нравы Древней Руси. Miry povsednevnosti XI–XIII vv.* [Life and Customs of Ancient Rus'. Worlds of Everyday Life of the 11th – 13th Centuries]. St. Petersburg: Oleg Abyshko.
23. Tvorogov, O.V. (ed.) (n.d.) *Povest' vremennykh let* [The Tale of Bygone Years] [Online] Available from: <http://lib.pushkinskijdom.ru/?tabid=4869> (Accessed: 8th June 2020).
24. Puzanov, V.V. (2012) *Gosudarstvo i obshchestvo Drevney Rusi glazami sovremennikov (X–XII vv): istoriko-antropologicheskie ocherki* [The state and society of Old Rus through the eyes of contemporaries (the 10th – 12th centuries): Historical and anthropological essays]. Izhevsk: Udmurt University.
25. Sreznevsky, I.I. (1893) *Materialy dlya slovary drevnerusskogo yazyka po pis'mennym pamyatnikam* [Materials for the Dictionary of the Ancient Russian Language According to Written Monuments]. Vol. 1. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences.
26. Artsikhovskiy, A.V. (1969) *Odezhd* [Clothes]. In: Artsikhovskiy, A.V. (ed.) *Ocherki russkoy kul'tury XIII–XV v.* [Essays on Russian culture of the 13th–15th centuries]. Moscow: MSU. pp. 277–296.

27. Bychkov, A.F. (ed.). (1885) *Polnoe sobranie russkikh letopisey* [Complete Russian Chronicles]. Vol. 10. St. Petersburg: Ministry of Internal Affairs. [Online] Available from: <https://runivers.ru/upload/iblock/f2d/Polnoe%20sobranie%20rus%20letopisey%2010.pdf> (Accessed: 8th June 2020).
28. Russia. (n.d.) *Russko-vizantiyskiy dogovor* [Russian-Byzantine Treaty]. [Online] Available from: <http://doc.histrf.ru/10-16/russko-vizantiyskiy-dogovor/> (Accessed: 8th June 2020).
29. Gaydenko, P.I. (2017) *Mozhno li spastis' v roskoshi?: (o byte i predelakh asketicheskikh opytov drevnerusskogo monakha XI–XIII vv.)* [Is it possible to escape in luxury?: (about the life and limits of the ascetic experiences of the ancient Russian monk in the 11th – 13th centuries)]. *Drevnyaya Rus': vo vremeni, v lichnostyakh, v ideyakh*. 8. pp. 7–17.

Сведения об авторе:

Шамшурин Алексей Андреевич – аспирант, старший преподаватель кафедры философии и гуманитарных дисциплин Института истории и социологии Удмуртского государственного университета (Ижевск, Россия). E-mail: shamshurinuds@gmail.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Shamshurin Alexey Andreevich – Postgraduate Student, Senior Lecturer of the Department of Philosophy and Humanities of the Institute of History and Sociology of Udmurt State University (Izhevsk, Russian Federation). E-mail: shamshurinuds@gmail.com

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 19.06.2020; принята к публикации 22.05.2023

The article was submitted 19.06.2020; accepted for publication 22.05.2023